

блѣнный Некрасовым глагол *стояла* как бы подчеркивает значимость ситуации. Стоя под сосной, слушая сладкую музыку слов Мороза, упоенная мелодичностью зимнего леса, героиня наконец-то нашла утешение для своего страдавшего сердца и отдых для утомленных рук. «Приподнимая» свою героиню над миром банальной обыденности, Некрасов как бы придаёт торжественность этой ситуации: Дарья, погруженная в опьяняющий сон, находится в полной власти Мороза, становится его избранницей.

Поэт творит будущее. Он, как лакмусовая бумажка, реагирует на всё происходящее. И в меру своего видения мира, пропускает все изменения в мире через свою творческую лабораторию, ум и сердце и передаёт индивидуально-неповторимое своё состояние в общеизвестном «межиндивидуальном» (М. Бахтин) слове.

Давая обзорный анализ образа леса в творчестве представленных русских поэтов, можем наблюдать трансформацию, а вернее эволюцию этого образа. Восходя своими корнями в мифопоэтику, фольклор, образ леса в русской поэзии XIX века видоизменяется, получает новые «облики», творя союз с внутренним миром человека, позволяя ему коснуться «сердца» своих тайнств.

Источники

1. Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 1–3. – М., 1981.
2. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 1. Стихотворения 1828–1841. – Л., 1979.
3. Некрасов Н. А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. – М., 1965.

Литература

1. Архипов В. М. Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия. – М., 1965.
2. Гегель Г. Эстетика: В 4 т. – Т. 3. – М., 1971.
3. Гулиа Г. Д. Жизнь и смерть Михаила Лермонтова. – М., 1980.
4. Ключевский В. О. Курс русской истории. Глава о влиянии природы на характер русского человека. – Изд. третье. – Т. 1, ч. 1. – М., 1908.
5. Фоменко И. Опыт анализа стихотворения Тютчева «Весенняя гроза» // Тютчевский сборник: К двухсотлетию со дня рождения поэта / под ред. Дануты Б.
6. Пивоварской и Василия Щукина. – Kraków, 2004.
7. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной... – М., 1990.

Купчик Е. В.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РАЗЛУКИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Расставание, удаление друг от друга, пребывание вдали от друзей и близких с древнейших времен осмыслялось на языке образных соответствий. Данные Словаря русской поэзии [Павлович 1999] и поэтических сборников разных авторов позволяют выделить ряд метафорических моделей (далее ММ), реализующих разные аспекты представления о разлуке как

практически неизбежной в жизни человека, имеющего родственные, любовные и дружеские связи. Вечная неразрывность любви и разлуки отражается, например, в «Дорожной песне» Б. Окуджавы [Окуджавы 1998: 373], в которой реализуются две ММ – *разлука – существо* и *разлука – пространство*: *Две вечных подруги – любовь и разлука / Не ходят одна без другой; Две странницы вечных – любовь и разлука – / Поделятся с нами сполна; Две вечных дороги – любовь и разлука / Проходят сквозь сердце мое.*

ММ *разлука – существо* включает несколько моделей с объектами сопоставления, относящимися к человеку и представителям животного мира. Несмотря на традиционную активность антропоморфных и зооморфных метафор в русской метафорической системе, к образу разлуки как существа обращаются далеко не все авторы, в текстах которых он обнаруживается. По нашим наблюдениям, наиболее разработана данная ММ в поэзии М. Цветаевой, где разлука предстает в образах мужчины и женщины, животного и птицы. Разлука видится *черноокой, высокой и одинокой женщиной*, рано умершей *матерью, желтоглазой цыганкой, широкоплечим рыжим и ражим погромщиком, серым волком, степной кобылицей, филином*. Разлука – существо, как правило, получает негативную оценку, например: *Лиходейная разлука, как коварная свекровь* (С. Есенин); *...Перед алчущим оком разлуки, / Что уставилась из-за угла* (А. Вознесенский). Вместе с тем разлука – существо оказывается достойной внимания и уважения – как, например, у Б. Окуджавы, в текстах которого она предстает подругой любви и которая заслуживает почтительного обращения, несмотря на создаваемый ею дискомфорт: *Ваше благородие госпожа разлука, / Мне с тобою холодно, вот такая штука.*

Разлуке оказываются свойственными некоторые действия живых существ – голос человека и зверя, мышинное шуршанье, например: *Тварь слаба, смертный, ты трепещешь, / Разлуки кроткий внемяя глас, / Унынья стрелы в сердце мещешь, / На время с другом разлучась* (А. Клушин); *...И топчешь, и свищешь, и ревешь, и рокочешь... разлука* (М. Цветаева); *И в твоих соломенных ночах / Шелестит лишь черная разлука* (М. Исаковский).

Традиционная образная параллель *разлука – пространство* включает ММ, субъектной частью которых являются обозначения природных объектов и людских поселений – пространства, в котором человек испытывает мучительные состояния, например: *Я тоже вскидываю руки, / Но не лечу. а волочу / По темным улицам разлуки / Крыло, пришитое к плечу* (Г. Семенов); *Мы стоим – крестами руки – / Безутешны и горды, / На окраине разлуки, / у околицы беды* (Б. Окуджавы).

«Материальность» разлуки представлена в уподоблении ее изделиям из ткани, еде, напитку. *Разлука – ткань* являет собой некое препятствие между людьми – горизонтальное (например, у М. Цветаевой разделяющее двоих пространство – это *треклятые простыни разлук*) или вертикальное: так, герой А. Кушнера видит разлуку как *полог слез и занавес вокзала*. Традиционная горькая чаша, которую предстоит испить человеку, нередко оказывается чашей разлуки: *Хоть разлуки горька чаша, / Выпивай ее до дна* (П. Катенин); *Скитаясь, как нищий, с терпением / пьет он свою преступленьем напиток,*

горькую чашу, / чашу разлуки (В. Жуковский). Разлука, однако, способна оказать на человека и более благоприятное действие, например: *Елей разлуки / излечит раны страстного пути* (М. Волошин); *Пока домашние в изъёме / Искали веры наповал, / Я в тихом дворике с друзьями / Вино разлуки допивал* (А. Цветков). Лимон разлуки (малораспространенная в русской поэзии ММ разлука – растение) у В. Шершеневича предстает подобием пятновыводителя – средства от любви: *Я огромным свежим лимоном разлуки / Смою красную краску любви*.

ММ разлука – огонь передает представление о разлуке как чем-то обжигающем, иссушающем, испепеляющем, например: *Еще весь пылал острым огнем последнего мига разлуки* (И. Бунин); *И душа выкипает, словно чайник забытый, / На спиртовке ровных разлук* (В. Шершеневич); *И печальной разлукой душа сожжена* (В. Шершеневич).

Столь же вредоносное воздействие на человека оказывает и разлука – оружие, и разлука – ветер, и разлука – болезнь, например: *Насмерть я сражен разлукой стрелю острой* (М. Кузмин); *Как вихрь заразный, в жилы врывается – лихорадкой, – разлука* (М. Цветаева).

Разлука оказывается вписанной в несколько образных ситуаций. Она предстает звездой, лучом которой ангел смерти освещает влюбленных: *И расторгнув наши руки, / Азраил / Нас лучом звезды – разлуки / Озарил* (Д. Андреев). Метафорой разлуки оказывается нахождение в стремительно движущихся поездах, уносящих двоих друг от друга: *Пава, панночка, парусок, / Как там тонешь наискосок? Мы прикручены по ночам / К разным мчащимся поездам* (А. Вознесенский). Разлука у Б. Ахмадулиной предстает противоположностью разрывом неразделимого: *Берегами брезгует река, / Охладевают к небу облака*. Герой Ю. Визбора создает собственное пространство, частью которого является разлука: *Я здесь построил остров – страну сплошных надежд / С проливами Свиданье и Разлука* [Визбор 1988: 62]).

Таким образом, разлука в русской поэзии репрезентируется посредством метафорических моделей, реализации которых выявляют особенности сложного образа разлуки. Уподобленная существу и предмету, огню и воде, объектам земного и воздушного пространства, разлука предстает разрушительной и целительной, нежеланной и нужной. Отметим, что двуплановость восприятия разлуки отражается и в народном словесном творчестве – в пословицах, в которых разлука представлена мучительной, но порой необходимой, например: *Жить в разлуке, жить в муке; Тяжка разлука, да надобна* [Даль 2006: 33].

Источники и словари

1. Визбор Ю. И. «Я сердце оставил в синих горах». – М., 1988.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. – Т. 4. – М., 2006.
3. Окуджава Б. Ш. Чаепитие на Арбате. – М., 1998.
4. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: В 2-х томах. – Т. 1. – М., 1999.